СДЕЛКА С МИЛЛИАРДЕРОМ.

ТАЙНЫЙ НАСЛЕДНИК

София Верн

София Верн

Сделка с миллиардером: Тайный наследник

«Автор»
2026

Верн С.

Сделка с миллиардером: Тайный наследник / С. Верн — «Автор», 2026

«Только не он. Пожалуйста, пусть это будет кто угодно, но не он».Максим Раевский обернулся.Взгляд серых глаз скользнул по её лицу — без узнавания. Вежливая, холодная улыбка, отработанная годами.— Алиса Воронова? Присаживайтесь.Он её не помнил.Или делал вид. Она не могла решить, что хуже.Алиса прошла к столу, стараясь, чтобы каблуки не стучали слишком громко. Села. Положила контракт на гладкую поверхность и постаралась, чтобы голос не дрогнул:— Я ознакомилась с условиями. Меня всё устраивает. Но у меня есть встречное условие.

© Верн С., 2026
© Автор, 2026

София Верн
Сделка с миллиардером: Тайный наследник

Глава 1. «Контракт»

Лифт поднимался медленно, и Алиса успела пожалеть о своём решении раз десять. Зеркальные панели отражали женщину в строгом сером костюме — собранную, с прямой спиной и плотно сжатыми губами. Никто бы не сказал, что внутри у неё всё дрожит.

Двадцать восьмой этаж. Стеклянные двери. Приёмная, где пахло дорогим кофе и свежими цветами — белые лилии в высокой вазе, слишком идеальные, чтобы быть настоящими.

Секретарь с безупречной укладкой подняла на неё глаза:

— Вы записаны? Господин Раевский вас примет. Но у вас десять минут.

Алиса кивнула. Десять минут. Ей хватит. Она репетировала эту речь всю ночь, пока Тимоша спал, а мать ворочалась в соседней комнате, глуша боль таблетками.

В кармане лежал контракт — два листа плотной бумаги, распечатанных на старом принтере в коворкинге. В сумке — фотография сына. В голове — голос матери: «Алиса, если ты не сделаешь это, я не доживу до весны».

Дверь кабинета открылась.

Она вошла — и остановилась.

Он стоял у окна, спиной к ней. Высокий, в тёмном костюме, с широкими плечами и той самой осанкой, по которой она узнала бы его из тысячи. Сердце пропустило удар, потом второй — и забилось где-то в горле, часто и мелко.

«Только не он. Пожалуйста, пусть это будет кто угодно, но не он».

Максим Раевский обернулся.

Взгляд серых глаз скользнул по её лицу — без узнавания. Вежливая, холодная улыбка, отработанная годами.

— Алиса Воронова? Присаживайтесь.

Он её не помнил.

Или делал вид. Она не могла решить, что хуже.

Алиса прошла к столу, стараясь, чтобы каблуки не стучали слишком громко. Села. Положила контракт на гладкую поверхность и постаралась, чтобы голос не дрогнул:

— Я ознакомилась с условиями. Меня всё устраивает. Но у меня есть встречное условие.

Максим поднял бровь. Вблизи он был ещё опаснее: резкие скулы, тонкая линия губ, едва заметная седина на висках. Взрослый. Уверенный. Тот, кто привык, что мир принадлежит ему — и что все вокруг это знают.

— Слушаю.

— Мой сын живёт со мной. Он переезжает в ваш дом вместе со мной. И никто — ни пресса, ни ваши партнёры — не должен знать, что этот брак фиктивный.

Пауза. Он смотрел на неё долго, изучающе, будто видел впервые — и уже искал слабое место.

— Сын, — повторил он. — Сколько ему?

— Четыре.

Что-то мелькнуло в его глазах. Тень. Но тут же исчезло, сменившись деловым выражением.

— Хорошо, — сказал он и протянул руку. — Договорились. Но и у меня есть условие. Вы переезжаете немедленно. Сегодня. Завтра у нас ужин с партнёрами, и мне нужна жена, которая уже в доме, а не в процессе переезда.

Алиса вложила ладонь в его. Пальцы обожгло холодом — и чем-то ещё, чему она не хотела давать название.

— Сегодня так сегодня, — сказала она ровно. — Дайте мне три часа.

— Два, — отрезал он. — И, Алиса… — он впервые назвал её по имени, и от этого стало не по себе, — если вы играете в какую-то свою игру, лучше скажите сейчас. Я не люблю сюрпризов.

— У меня нет игр, — ответила она. — Только сын и больная мать. Этого достаточно, чтобы быть предельно честной.

Он отпустил её руку. Медленно.

— Тогда добро пожаловать в семью, — произнёс он.

Алиса вышла из кабинета, дошла до лифта, нажала кнопку — и только там, в зеркальной кабине, позволила себе выдохнуть и закрыть глаза.

«Он не помнит. Господи, спасибо. Он не помнит».

Но где-то под рёбрами шевелилось другое чувство — холодное и липкое. Потому что люди, которые не помнят, иногда вспоминают в самый неподходящий момент.

Глава 2. «Дядя с грустными глазами»

Переезд занял два дня — вместо обещанных двух часов. Алиса собрала вещи в спешке, кидая в коробки всё подряд: Тимошины книжки, свою посуду, лекарства матери. Анна Петровна стояла в дверях и смотрела, как дочь мечется по квартире, и молчала. Только когда Алиса уронила очередную коробку, сказала тихо:

— Ты уверена, что поступаешь правильно?

— Нет, — честно ответила Алиса. — Но ты же сама меня туда отправила.

Мать вздохнула и отвернулась. Больше они к этому не возвращались.

Дом Раевского оказался не домом, а крепостью: три этажа, панорамные окна, минимализм, в котором не было ни одной лишней вещи. И ни одной фотографии. Алиса прошла по коридору, заглядывая в комнаты, и чувствовала себя в музее — всё красиво, дорого и абсолютно безжизненно.

Тимоша нёс свой рюкзак с конструктором, как самое большое сокровище, и всю дорогу молчал. Он всегда молчал в новых местах — забивался в угол и наблюдал, как зверёк.

— Твоя комната на втором этаже, — сказала Алиса, опускаясь на корточки перед сыном. — Хочешь посмотреть?

Тимоша кивнул. И вдруг замер, глядя куда-то за её плечо.

Алиса обернулась.

Максим стоял в дверях гостиной, небрежно опершись о косяк. Домашняя футболка, тёмные волосы взъерошены, в руке — чашка кофе. Он выглядел… обычным. И от этого почему-то ещё более опасным. Обычный человек в обычном доме — а под кожей у него, наверное, сталь.

— Здравствуй, — сказал он, глядя на мальчика. — Ты, должно быть, Тимофей.

Тимоша прищурился. Подошёл ближе — Алиса хотела его остановить, но не успела. Мальчик встал прямо перед Максимом, задрал голову и выдал:

— У тебя грустные глаза.

Повисла тишина.

Алиса хотела одёрнуть сына, извиниться, сказать что-то светское — но Максим вдруг присел на корточки. Так же, как она секунду назад. И посмотрел на мальчика в упор.

— Почему ты так решил?

— Мама говорит, что у людей, которые много работают и мало смеются, глаза грустные. — Тимоша пожал плечами, абсолютно серьёзно. — Ты много работаешь?

— Много, — так же серьёзно ответил Максим.

— Тогда всё понятно, — вздохнул мальчик и протянул ему руку. — Меня зовут Тимофей. Можно Тимоша.

Максим посмотрел на маленькую ладонь. На мгновение Алисе показалось, что он сейчас откажется — что-то дрогнуло в его лице, какая-то тень прошла по глазам. Но он взял её, осторожно, будто боялся сломать.

— Максим, — сказал он. — Можно дядя Максим.

И улыбнулся. Впервые — по-настоящему. Уголки губ поползли вверх, в глазах появилось что-то живое.

У Алисы перехватило дыхание. Потому что эта улыбка была точь-в-точь как у Тимоши, когда тот был доволен собой. Одинаковая. До последней чёрточки.

Она отвернулась, делая вид, что поправляет сумку.

«Он не знает. Он ничего не знает. И не узнает — если я буду осторожна».

— Пойдём, покажу комнату, — сказала она слишком бодро и взяла сына за руку. — Там большое окно. Почти как в кино.

Тимоша кивнул и пошёл за ней, но у лестницы обернулся.

— Дядя Максим?

— Да?

— А ты умеешь собирать конструкторы?

Максим усмехнулся — коротко, почти незаметно.

— Умею. У меня был… — он запнулся на полуслове. — В общем, умею.

Алиса сделала вид, что не заметила этой запинки. Но заметила. И запомнила.

Глава 3. «Шрам»

Ужин прошёл в напряжённом молчании. Тимоша ел аккуратно, поглядывая на Максима, как на новую игрушку — интересную, но пока непонятную. Алиса ковыряла вилкой в тарелке и ждала подвоха. Максим молчал, изредка бросая на них взгляды, которые она не могла расшифровать.

— Почему ты не ешь? — спросил он наконец, не поднимая глаз от стейка.

— Не голодна.

— Ты похудела.

Она замерла. Вот оно. Значит, всё-таки помнит? Значит, эта игра в незнакомца — тоже часть сделки?

— Прости? — сказала она холодно.

— Я говорю, что для женщины, которая пришла подписывать контракт на брак, вы выглядите так, будто месяц не ели. — Он отложил вилку и посмотрел на неё прямо. — Это отразится на презентации. Партнёры должны видеть счастливую пару, а не двух измождённых людей.

Алиса выдохнула. С одной стороны — обидно. С другой — слава богу, он просто думает о сделке.

— Я позабочусь о своём виде, — сухо ответила она.

— Позаботьтесь, — согласился он. — Завтра утром приедет стилист. И ещё: ужин в пятницу. Придут Ковалёвы, западные партнёры. Нужно произвести впечатление.

— Я умею производить впечатление, — сказала Алиса. — Не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь, — отрезал он. — Я контролирую.

Тимоша, доев, потянулся за стаканом сока и нечаянно задел рукавом тарелку. Алиса машинально перехватила его руку, вытирая салфеткой, — и рукав её блузки задрался, обнажая запястье.

Тонкий белый шрам.

Максим застыл. Вилка в его руке замерла на полпути ко рту.

— Откуда это? — спросил он резко.

Алиса одёрнула рукав.

— Упала в детстве.

Он не поверил. Она видела это по глазам — по тому, как сузились зрачки, как напряглась линия челюсти.

— В детстве, — повторил он медленно. — На запястье. Горизонтальный шрам. Похоже на капельницу.

— Вы врач? — огрызнулась она.

— Нет. Но я видел достаточно шрамов, чтобы отличать падение от укола. — Он положил вилку. — Что случилось?

— Ничего, — сказала Алиса. — Это не ваше дело.

— Теперь моё, — возразил он спокойно. — Вы моя жена. По контракту. Всё, что касается вашего здоровья и репутации, касается и меня.

Она посмотрела на него в упор. И вдруг подумала: а ведь он прав. В этом доме у неё больше нет личных границ — только те, которые она сумеет отстоять.

— Я была в больнице, — сказала она ровно. — Пять лет назад. Неудачная беременность. Вот и всё.

Он не отвёл взгляда. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у неё пересохло во рту.

— Пять лет назад, — повторил он.

— Да.

— Понятно.

Он поднялся из-за стола.

— Будьте осторожнее, — сказал он, уже уходя. — У меня дом, а не травмпункт.

И вышел.

Алиса смотрела ему вслед и чувствовала, как под ложечкой сворачивается холодок.

«Пять лет назад. Он запомнил. Он точно запомнил».

— Мам? — Тимоша дёргал её за рукав. — А дядя Максим сердится?

— Нет, солнышко, — сказала она, выдавливая улыбку. — Он просто… устал.

— Он хороший, — сказал мальчик убеждённо. — У него глаза как у меня, когда я хочу плакать.

Алиса замерла.

— Почему ты так решил?

— Не знаю. Просто похоже.

Она прижала сына к себе, уткнулась носом в его макушку и закрыла глаза.

«Он узнает. Рано или поздно — узнает».

И тогда её тайна — та, ради которой она согласилась на эту сделку, — рухнет. А вместе с ней, возможно, и всё остальное.

Глава 4. «Идеальная пара»

Утро пятницы началось с вторжения.

Алиса ещё спала, когда в спальню без стука вошла женщина с чемоданом косметики и взглядом полководца.

— Доброе утро. Я Виолетта. Стилист Максима Аркадьевича. У нас три часа до выхода. Вставайте.

— Я думала, стилист — это про причёску, — пробормотала Алиса, выбираясь из постели.

— Стилист — это про всё, — отрезала Виолетта. — И про причёску, и про платье, и про то, как вы держите спину. Кстати, спину.

К десяти Алиса себя не узнала. Волосы уложены мягкими волнами, макияж — «естественный, но подчёркивающий», платье — тёмно-изумрудное, с открытыми плечами, сидевшее так, будто его шили на неё. Виолетта обошла её кругом, прищурилась и вынесла вердикт:

— Сойдёт. Он упадёт.

— Кто упадёт?

— Все, — загадочно сказала Виолетта и вышла.

Тимоша, которого на время сборов отправили к соседке — пожилой даме с двумя котами, — вернулся к вечеру и застыл на пороге гостиной.

— Мам, ты красивая, — сказал он серьёзно. — Как принцесса.

— Спасибо, солнышко.

— Только принцессы не грустят.

Алиса не нашлась что ответить.

Максим спустился вниз ровно в семь. Чёрный костюм, белая рубашка без галстука, часы на запястье — всё простое, дорогое, безупречное. Он окинул её взглядом — быстрым, профессиональным, — и кивнул:

— Хорошо. Едем.

«Хорошо». Одно слово. А у неё почему-то пересохло во рту.

Гостей встречали в зимнем саду — стеклянная галерея с пальмами и подсветкой, превращавшая любой вечер в сказку. Ковалёвы оказались приятной парой: он — громкий, жизнерадостный, она — тихая, с внимательными глазами. Алиса улыбалась, поддерживала разговор, вовремя подавала реплики. Максим стоял рядом, временами касаясь её спины — легко, собственнически, будто напоминая: ты моя.

— Прекрасная пара, — сказал Ковалёв, поднимая бокал. — Максим, вам повезло.

— Это мне повезло, — отозвалась Алиса, и сама удивилась, как естественно это прозвучало.

Максим посмотрел на неё. Долго. И в этом взгляде было что-то новое — не холод, не расчёт. Что-то тёплое и опасное.

— Нам обоим, — сказал он тихо.

После ужина, когда гости перешли в гостиную, Максим отвёл её в сторону — к окну, где их не было видно.

— Вы отлично справились, — сказал он.

— Вы тоже, — ответила она.

— Ковалёв подписал контракт. — Он помолчал. — Это важно для меня.

— Я рада.

Он вдруг поднял руку и убрал прядь волос с её лица. Медленно, будто давая ей время отстраниться. Она не отстранилась.

— Они смотрят, — сказал он.

— Кто?

— Ковалёва. И её муж. Они ждут, что я сделаю.

— И что вы сделаете?

Вместо ответа он наклонился и поцеловал её.

Нежно. Почти целомудренно. Но Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног, как всё, что она годами складывала в аккуратные ящики — обиду, боль, воспоминания, — начинает трещать по швам.

Он отстранился первым.

— Спасибо, — сказал он ровно, будто благодарил за поданный кофе.

И ушёл к гостям.

Алиса осталась стоять у окна, прижав пальцы к губам, и думала: «Это была игра. Просто игра. Для камер».

Но почему тогда у него дрожали руки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.